

СОКРОВИЩА СТАРОЙ ЦЕРКВИ

Валерий Тусев

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Сокровища старой церкви

«ЭКСМО»

1999

Гусев В. Б.

Сокровища старой церкви / В. Б. Гусев — «Эксмо»,
1999 — (Дети Шерлока Холмса)

Говорят, что старая церковь в глухой деревне Синеречье таит несметные сокровища. Об этом четверо неразлучных друзей знают с детства, но все их попытки найти таинственный подземный ход оканчивались ничем. И вот ребятам становится известна его схема. Но что она означает? Как разобраться в хитросплетении линий и квадратов? Ничего себе задача! Может быть, вход в подземелье скрывает старинный склеп? Ребята отправляются ночью на кладбище и видят, что их опередил загадочный конкурент...

© Гусев В. Б., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Лихолетье. Семьсот лет назад	5
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Валерий ГУСЕВ

СОКРОВИЩА СТАРОЙ ЦЕРКВИ

Лихолетье. Семьсот лет назад

Солнце чуть поднялось над лесом, скользнуло длинными лучами по облакам, раскрасило купола церкви, погнало утренний туман во мрак сырых заречных чащоб. Проснулось Синеречье для трудов и забот.

И вдруг мирные утренние звуки села накрыл, как тяжелой шапкой, густой, далекий и тревожный набатный гул.

За рекой, над хмурым бором, расплзался, потянулся к алым облакам обильный дым большого пожара.

– Татары! Татары идут! – взвился над селом отчаянный женский крик.

Бросив дела, кинулся сельский люд к церкви; обогнув ее высокую кольчатую ограду, столпился на крутом травянистом откосе, сбегавшем к песчаному берегу Плесны.

– Спас-Темни горят, не иначе, – проговорил кто-то обреченно.

– Оне, братцы, оне, – пробасил, отзываясь, кузнец в блестящем кожаном фартуке и с ремешком на черных, подпаленных местах кудрях. – Сейчас здесь мамыцы будут. – Подкинул в руке тяжкий молот. – Оружайтесь, братцы!

Мужики, парни, отроки бросились за ним в кузню, выхватывали друг у друга мечи, копья, рогатины.

Оставшиеся на откосе видели, как от кромки леса отделились и заспешили к реке свои ратники. Впереди на неровно ступающем коне, сильно кренясь в седле, с рукой, подвязанной к шее, сидел жестоко битый всадник; двое ковыляли по бокам, держась за стремяна. Сзади подтягивались пешие мечники – пять ли, шесть ли воинов – все, что осталось от малого дозора в Заречной стороне.

Ратники – посеченные саблями, колотые стрелами, в кровавой пыли – тяжело поднялись на откос.

Верхового сняли с коня, уложили на траву.

– Татары грянули, – тяжело выговорил воевода обступившему люду. – Большим числом... В Темнях мужиков до одного порубили... Иных в избах вживе пожгли... Баб с детишками в полон увели... скот погнали... Скоро здесь будут...

– В церкву, в церкву собирайтесь, православные! – крикнул батюшка – огромный, гривастый, со сверкающим каменьями крестом на цепи тяжелого золота. – Обережет храм Божий от супостата мирных христиан.

– Идут! – завопил мальчишеский голос. – Скачут! Вона – из леса вылились!

По селу засновали, забежали, ровно наседки при клекоте ястреба. Кто в дом, кто из дому. Кто хватает и тут же бросает. Кто свое же брошенное вдруг, вернувшись, подбирает, тащит за собой или на себе...

Бежали к церкви простоволосые женщины. Мчались, прискакивая, босоногие ребята. Поспешали, как могли, седые деды.

Крик, плач, вой, ругань. И над всем этим тяжело загудел набатом уже свой колокол со своей звонницы: то раскачивал пудовый язык сельский охотник Завид, оповещая округу о черной беде.

Втянулся мирный люд в церковную ограду. Батюшка запахнул решетчатые, дубового бруса ворота. А по ту их сторону сгрудились те, кто стоять будет насмерть, до гибели, чтобы в живых остался старый, слабый да малой.

А татары – вот они! Взмелись над бугром конские морды – косматые, взмыленные, храпящие.

– Раздайся, мужики! – обозленным медведем взревел кузнец. – Не зацепить бы друга-ратника!

И закипела лютая, мигом одним, кровавая сеча. Много в ней татар полегло. А наши все до единого. Один кузнец не пал – так и остался стоять прибитый к тыну тонким копьем через сердце. Только голову кудлатую на грудь уронил. А молот любимый из рук не выпустил.

Спешились татары, загомонили, стали ломиться в ворота – не ладится. Огляделись, заметили у ближайшей худой избы заботливо сложенные бревна на новый сруб. Выкатили одно – толстое, тяжелое. Схватили в двадцать рук в охапку, стали дружно раскачивать – ухнули первым ударом. Дрогнули ворота – выстояли. Пошли долбить с ладным вскриком удар за ударом.

Треснула одна стяжка. За ней другая. Хрустнуло под ударом перекрестье брусьев – пробило бревно дыру с бочонок. И тут же в этой дыре появилось узкоглазое лицо с кисточками усов по краям ощеренного белыми зубами рта.

На все это терпеливо смотрел со звонницы Завид – в левой руке лук, в правой стрела на тетиве. И лишь сунулась в дыру оскаленная морда, растянул Завид тетиву до самого уха.

Взвыли мамыцы, снова застучали бревном в ворота: не выдержала одна створка. Верхняя петля сорвалась, скособочилась решетка и пошла внутрь под напором татарской силы.

Ворвались во двор – сперва спешенные, за ними – верховые. Укрываясь щитами, разбежались. Одни бросились к дверям храма, другие натянули тетиву. Хищно свистнули в воздухе злые тростниковые стрелы, стайкой стремительных стрижей метнулись в самый верх звонницы. Пошатнулся Завид, рухнул на землю. Приподнял разбитую голову, глянул, как ломаются мамыцы в церковь, прошептал: «Искать вам, проклятые, – не найти», – и успокоенно затих.

Выбив дверь, с воем, визгом вбежали татары в храм. Рассыпались по сторонам – ан нет тут никого. Стоит только у аналая батюшка поп и держит над головой, грозя, золотой крест с камнями:

– Стой, нехристь поганая! Вон из храма святого!

Подбежали к нему сразу двое. Один стал крест из руки рвать, другой батюшку саблём тыкать.

Батюшка тоже не оплошал: левой рукой подняв тяжеленный кованый напольный светильник, ахнул в затылок одного – чуть голову из плеч ему не выдернул, а другому в лоб угодил – тоже славно получилось. И сам пал следом.

И тихо стало во храме.

Ни всхлипа женского, ни вздоха старческого, ни плача ребячьего.

Куда народ исчез? – и спросить некого.

Ушла главная добыча, ради чего в храм пробивались всею силою.

Опомнились – опять разбежались: было что взять. Ризы, красиво шитые, золото-серебро да камни дорогие.

А людей так и не нашли. Укрыл их от лютых бед храм Божий. «Искать вам, проклятые, – не найти».

И крест золотой, дивной работы, в жадной сумятице позабыли, телом его своим порубленным укрыл батюшка.

А за поругание храма ответ еще впереди...

Глава I

ШЕРИФ

Синереченская сторона – особая. Леса здесь славные, дремучие, полные зверя, птицы и ягоды. Луга заливные, раздольные. Холмы зеленые. Небо синее. А в нем – облака белые, легкие, насквозь светятся.

И реки хороши. Немного их, правда, всего-то две. Но так они задумчиво бродят среди лесов, лугов и болот, так неторопливо ищут друг друга, пока не сольются, что кажется, их не две, а великое множество. Потому и звался этот край Синеречьем.

Речки те – мелкие, узенькие, вертлявые, но в весеннее половодье или от летних ливней разливаются широко и обильно, надолго и надежно отрезая Синеречь от всего остального света...

...Ратникова разбудил заполосный голос церковного сторожа Силантича, бессонного старика:

– Андрей Сергеич! Сергеич! Вставай, беда на дворе!

Участковый открыл глаза, повернул голову к светлевшему окошку, за которым виднелось бледное лицо в седой бороде и метался тревожный крик.

Ратников включил свет, мигом набросил камуфляж и вышел во двор.

Дед Силантич схватил участкового за плечо, едва не сдернув с крыльца.

– Андрюша, бежи скорей к Дачникам. Неладное дело там.

Ратников на ходу плеснул в лицо из кадушки и, вытираясь платком, быстро зашагал на дальний конец села. Силантич поспешал сзади, шаркая спадающей с ноги калошей, и, дергая участкового за рукав, пояснял:

– Дверь на крыльце снаружи клюкой подпертая. Стал хозяев окликать – молчат... Что-то с ними худое стряслось.

Дачниками звали на селе Сергачевых. Они несколько лет назад купили здесь дом со всем подворьем, привели в порядок, начали хозяйствовать. И все время мечтали насовсем перебраться в деревню, очень им здесь нравилось. Но чтобы прочно стать на ноги, обзавестись скотом, птицей, инвентарем, нужны были деньги. И Сергачевы решились – продали городскую квартиру...

Подожли к дому Дачников: в окнах темно. Окна в кухню вовсе не было: рама высажена ударом шеста – он лежал тут же, возле дома. Прав дед Силантич – недоброе дело!

Андрей взбежал на крыльцо, ногой откинул от дверей шест, взяв пистолет в обе руки стволом вверх, рванулся в сени.

Никого.

Ногой же распахнул дверь в комнату, заорав страшным голосом:

– Стоять! Руки!

Некому стоять.

Андрей включил свет, окинул взглядом комнату. Нехорошо, типичный разбой.

Все опрокинуто, разбросано. Ящики комода и стенки выдвинуты, содержимое вывалено в беспорядке на пол. Сброшены с полок книги, вспорота мебельная обивка, дверца гардероба косо висит на одной петле, платья, костюмы – все брошено на пол. У пиджака и брюк вывернуты карманы, даже детская кроватка разорена.

Осмотревшись, Андрей прошел в кухню – и здесь никого. Опрокинутый стул, битое стекло на полу.

Очень тихо. Но не совсем. Участковый прислушался, затаив дыхание. Казалось, будто где-то вдали, на дальней околице, скулит маленький щенок.

Ратников прошелся по комнате, сдвинул к стене половик. Под ним – крышка погреба. Отбросил ее, включил фонарик, заглянул вниз.

Сначала увидел сброшенную на пол приставную лестницу, потом мужчину в одних трусах, привязанного к стеллажу, рядом с ним – женщина в ночной рубашке, тоже привязанная, но сидя – на ее коленях корчится малый ребенок, жалобно, устало плачет.

Это были Сергачевы, всем семейством.

Участковый спрыгнул вниз. Осторожно снял с губ женщины пластырь – Нина судорожно, прерывисто всхлипнула. Разрезал веревки, сохранив узлы. Нина прижала ребенка к груди, пытаясь его согреть.

Андрей освободил Петра, выбрались в кухню.

– Спали уже, – дрожа от озноба и пережитого, рассказывал Петр, – вдруг на кухне – грохот, звон. Не успел вскочить – ворвались в комнату, трое, в масках. С фонариками. Деньги давай, говорят, не то всех урою. Нету, говорю, денег. Не ври, знаем. На сберкнижке, говорю, вам не снять. Снимем, где она? Не помню, говорю. Сейчас вспомнишь, пригрозили.

Затащили нас в кухню. Нинка трясется, Вовчик плачет. Меня к стулу привязали. Двое пошли в комнату шарить, один стал меня бить. Я молчу. – Петр перевел дыхание, вновь переживая этот ночной ужас. – Зло такое меня взяло – молчу, и все.

К тому времени все на кухне собрались. Тут я хитрость надумал. Покивал, чтобы рот освободили. Ладно, говорю, скажу, где деньги. Развяжите. В подполе они, говорю. А сам думаю: сейчас они в подпол свалятся, а я крышку – бряк, попались, голубчики! Да не вышло. В подпол один полез: где, кричит, спрятал? В кадушке, говорю, что в углу стоит. Пошарил он в кадушке, вылез. Думаю, все, убьет теперь. А он у Нинки дите вырвал и над люком держит: считаю, мол, до двух. Своих детей, мол, у меня нету, а твоего мне не жалко. Сказал я сразу же, они деньги забрали, в погреб нас спустили...

– Приметы какие-нибудь заметил? – спросил Андрей.

– Да где там! В масках все. Да и темно было.

– Среднего роста они, не очень высокие, – сказала Нина. – Один в тельняшке. На него свет от фонарика попал – я и заметила.

– А голоса? – снова спросил Андрей.

– Да одинаковые все, – досадливо отмахнулся Петр. – У них маски из шапок, до подбородка натянуты. Бубнят и бубнят, разве разберешь голоса.

– А друг к другу они как обращались? Имена, клички называли?

– Не, не называли. «Ты» да «ты», все обращение.

– Это твоя? – Андрей показал Петру маленькую блестящую зажигалку, которую он подобрал в погребе.

– Не, ихняя, значит.

– Деньги в каком виде хранил? Какая сумма?

– Четыре вот такие пачки, резинкой стянутые. Завернутые в газету «Голос Званска».

– Ладно, ребята, – Андрей встал. – Попейте валерьянки, поспите. Днем разговор продолжим.

Уложил в пакет обрезки веревок с узлами, а зажигалку в кармане оставил. Попрощался, вышел на крыльцо, где терпеливо дожидался его Силантич.

– Посиди здесь, дед, ладно? Не подпускай никого к дому.

– Об чем речь, – согласился Силантич.

Ратников вернулся к себе, позвонил в район, сообщил дежурному по отделу о происшествии, попросил прислать группу.

– Пошлю, Сергеич, – пообещал дежурный. – Они на вызове в Оглядкине. Как вернутся, к тебе направлю.

Участковый погасил свет, который так и горел с его ухода, распахнул окно, поставил чайник и стал оформлять протоколы, прикидывая в уме, кто из односельчан мог сотворить такое черное дело? А о том, что у Дачников деньги появились, все село знало.

Перебирал одного, другого, третьего, а были на селе всякие. Пьяницы и хулиганы, чудаки и склочники, драчуны и ворюги. Словом, есть из кого выбрать.

Андрей полистал свой рабочий блокнот, нашел нужную запись:

«Геннадий Шухов (Шпингалет). Отбывал наказание за нанесение тяжких телесных повреждений. Злобен. Жесток. Истеричен. В возбужденном состоянии способен на непредвиденные поступки. Злоупотребляет алкоголем. При проведении профилактических бесед на контакт не идет».

Но Генки нынче ночью в селе не было, а Игоряшка, первый его собутыльник, трусоват по натуре, нагадить старался исподтишка и на откровенный разбой вряд ли пошел бы.

К тому же нападали на Сергачевых трое. Невысокие. Один из них в тельняшке. Вот что тревожило участкового. Вот чего он больше всего боялся. Потому что в селе тельняшку носил только пятнадцатилетний хулиган Колька Морев, Челюкан по прозвищу. Он в мореходку после школы собирался, морские узлы вязать умел. В точности как на потерпевших. И два друга верных у него было: Мишка Куманьков да Васька Кролик. Невысокие.

Андрей, едва в должность заступив, ребят этих на заметку взял. Он, конечно, не считал, что из каждого малолетнего хулигана обязательно великовозрастный бандит получится, но справедливо полагал, что чаще всего именно так и бывает.

Терпеливо преодолевал участковый их недоверие, выручал не раз, справедливо разрешая конфликты со взрослыми. И многого сумел добиться.

А теперь вот такое подозрение. Впрочем, еще одна версия возникла...

От этих мыслей Ратникова оторвал большой шум со стороны магазина. Даже не просто шум – скандалище, если по шкале Рихтера.

Завернув по дороге к себе и захватив с собой зачем-то коробку из-под обуви, набитую старыми газетами, Андрей пошел разбираться.

Магазинчик этот торговал когда-то от селпо, но в последнее время государство от него отказалось – невыгодно и хлопотно, продукты порой приходилось доставлять на лодках. Перешла «торговая точка» в ловкие руки расторопного пришлого парня, которого все называли Матросом или Матросиком. У этого ловкача дела пошли веселее. Взял себе в помощь еще двоих дружков, тоже со стороны, одного оформил грузчиком, другого – водителем. Дела пошли – ассортимент Матросик расширил, торговал весело, с прибаутками...

Шум и гвалт в магазине – как на старой ветле, где собирались по утрам горластые окрестные галки.

В центре возбужденной толпы Матрос и его команда держали, вывернув руки, троих подростков – Челюкана, Кролика и Куманькова. Андрей обратил внимание, что все шестеро – примерно одного роста, только «морячки» в плечах покрепче. Заметил и то, что у Кольки Челюкана разорвана рубаша и начинает заплывать левый глаз. Напротив него топтался разъяренный Дачник Петя.

– Это они, Андрей Сергеич! – заорал он, увидев участкового. – Во! – и Петя еще шире рванул на груди Челюкана рубашку. – Видал? Тельник на нем. У, зараза сопливая!

Мальчишки затравленно озирались, испуганные, непонимающие.

– Прекратить! – рявкнул милиционер. – Сейчас разберемся. Посторонним – покинуть помещение.

Андрея слушались, даром, что молод был и второй год всего участковым служил, многие односельчане его еще мальчонкой помнили. Гуськом, по-детски подталкивая друг друга в спины, народ выбрался на улицу, тут же прильнул к окошкам.

– Ну-ка, отпустите ребят, – приказал Андрей Матросу и поставил свою коробку на прилавок.

Коммерсант неохотно повиновался.

– Посидите пока здесь, – Андрей указал мальчишкам на амбарные весы возле стенки. Ребята послушно присели, прижавшись друг к другу. Участковому их жалко стало, хоть и хулиганистые пацаны были.

– Приглядите за ними, – сказал он «морячкам» и кивнул Матросу: – Пойдем в подсобку, мне в район позвонить надо.

Хозяин с готовностью откинул крышку прилавка. Андрей, захватив коробку, шагнул за прилавок, легонько тронув Матросика за поясницу, будто отстраняя с прохода.

Войдя в подсобку, Андрей сделал вид, что подобрал что-то с пола, и, снимая трубку телефона, протянул руку Матросику:

– Твоя? На полу валялась.

– О, блин! – обрадовался зажигалке Матросик. – А я обыскался.

Андрей набрал номер. Дожидаясь соединения, попросил Матросика, кивнув на коробку:

– Обвяжи ее какой-нибудь бечевкой. Найдешь?

– Вещдоки? – понимающе усмехнулся Матросик. – Сейчас сделаю.

– Калошу кто-то из них обронил, под самым окном, – доверительно пояснил Андрей. – Алло. Саня? С начальником соедини. Товарищ подполковник, участковый Ратников докладывает. Да, но опергруппа уже не нужна. Да, уже задержал. Знаю, что молодец, товарищ подполковник, – усмехнулся. – Не один, граждане помогли. – При этих словах Матросик, завязывая узел на коробке, ухмыльнулся, довольный. – Хорошо. Высылайте «уазик» за подозреваемыми. Трое, товарищ подполковник. Есть. – И Андрей положил трубку. Бросил взгляд на заднюю дверь, затянутую ржавой стальной решеткой:

– Слабовата у тебя эта дверь. Не опасеешься?

– Что ты, шериф! – Матросик обхватил ладонью толстый прут, потряс. И тут же на его руке и на железке защелкнулись наручники. – Ты что, ментяра, не выспался? – заорал Матросик, дергая руку.

– Не ори, – Андрей задрал ему сзади свитер, выдернул из-за пояса пистолет. – Ключи давай.

– Какие такие ключи?

– От сейфа.

– На, подавись!

Андрей сунул ключи в карман. Выглянул в торговый зал, поманил грузчика. Когда тот вошел, ткнул пистолетом в живот, подвел к Матросику и пристегнул к двери теми же наручниками, перекинув цепочку через прут. Надо было задержать и водителя, но наручников у Андрея всего одна пара была.

Тогда участковый отхватил кусок бечевки от бобины, кликнул водителя. Сунул ему в руки коробку прямо в дверях – поддержи, мол. Тот машинально ее взял, и Андрей мгновенно накинул ему на кисти петлю, рванул ее, затягивая. Про этот способ Ратникову рассказал один старый сыщик. Так вязали преступников в те далекие годы, когда наручников еще не было. Петля затягивалась мгновенно, а узел развязать – никак не получится, он с секретом был.

– Побудьте здесь, парни, – бросил Андрей, выходя в торговый зал.

Мальчишки одновременно вскинули на него бледные лица. С надеждой.

– Вы можете идти, ребята. – Андрей впустил в магазин народ. Можно было бы обойтись понятыми, но Ратников считал, что поставить точку в этой истории нужно при всем честном народе.

Андрей объяснил понятым их задачу. Срезал и узлы с коробки, показал для сравнения с ними узлы с места преступления, убрал в пакет. Выдвинул ящик тумбочки, достал из него... скатанную тельняшку. Размотал – в ней были три маски-шапочки и рулончик скотча. Промонстрировал понятым.

Все внимательно, с интересом наблюдали за его действиями.

Андрей отпер кассовый ящик, достал газетный сверток, раскрыл его, показал понятым деньги, посадил их пересчитывать. Сам устроился рядом оформлять протокол.

– Вот и все! – обрадованно вздохнул Петя-Дачник, когда понятые расписались и Андрей вручил ему сверток с деньгами.

– Нет, не все, гражданин Сергачев, – холодно возразил участковый и метнул взгляд в сторону мальчишек, которые все так же сидели на весах.

Дачник недоуменно вскинул брови. Спohватился, подошел к ребятам.

– Ты прости меня, парень, – обратился он к Челюкану, протягивая ему руку. – Не держите на меня зла, пацаны. Уж чего я натерпелся в эту ночь. Поседел даже.

При этих словах все дружно рассмеялись. Потому что посесть Дачник никак не мог – он был абсолютно лыс.

– И вот что, – Петр распотрошил сверток, достал несколько бумажек, положил их на прилавок, набрал с полок бутылки с водой, шоколадки, протянул ребятам: – За моральный ущерб.

Челюкан улыбнулся.

У магазина резко взвизгнули колеса: приехала машина из отдела.

Когда уводили задержанных, Матросик отыскал глазами Андрея:

– Смотри, ментяра! Отмотаю срок, вернусь – посчитаемся!

Это был уже не приветливый шутник-продавец, а злобный бандюга.

Участковый чуть заметно усмехнулся:

– Я не боюсь. Когда ты вернешься, я уж генералом буду, мне охрану дадут.

И все опять засмеялись.

Глава II ВОРОНОК

В этой хулиганистой компании, которую на селе то мушкетерами называли, то шпаной синереченской, Колька Челюкан за главного был, в атаманах ходил. Прозвали его Челюканом по деду. Тот юнгой воевал в морской пехоте, разведчиком был. С войны в село вернулся израненным и всю оставшуюся жизнь прихрамывал – челюкал, по-уличному. Так и звался Челюканом. А когда Кольке два годика исполнилось, кто-то из односельчан приметил: во, мол, пацан-то весь в деда пошел, вылитый Челюкан. Так и прозвали, хотя Колька не хромал, а напротив – в любой драке крепко на ногах держался. Вообще, парень был самолюбивый, решительный и на расправу скорый: кулаки в ход пускал не раздумывая.

Рос Колька без отца, при больной матери. На людях к ней заботы не проявлял, суров был до грубости, а на деле все домашнее хозяйство вел – в пятнадцать-то лет.

От деда Кольке не только прозвище и характер достались, но и несбывшаяся мечта о море, о дальних плаваниях. Из-за хромоты деда на флот не взяли, а Колька его мечту подхватил.

В терраске, где Колька обитал по летнему времени, висела на стенке дедова фотография – лихой пацан в бескозырке и тельнике, с автоматом на груди. А вокруг деда – выданные из журналов картинки с парусниками всех типов. С ними вперемешку развешаны обрывки веревок, вязанные разными морскими узлами, – тренировался Колька, загодя себя к морю готовил.

В углу на столике – почти готовая модель парусника. Грубо, конечно, сделана – руки-то у пацана больше к топору и лопате привычны, – но с любовью и охотой.

У Кольки и лодка была. В Синеречье она в каждом дворе, а то и две – без них как без рук. Местные лодки особенные – легкие, верткие – по росной траве как по воде идут. А Колька с друзьями из своей лодчонки пароход устроил. Установил две пары велосипедных педалей, а на корме дрель, где вместо сверла – пароходный винт. Забавно получилось: как на педали Васька с Мишкой сядут, а на руль Колька – лодка словно с мотором летит, на веслах за ней не угонишься. Правда, вскорости этот «двигатель» разобрать пришлось и дрель на место вернуть, в колхозную мастерскую, откуда она и была «позаимствована».

Тогда Колька оснастил лодку мачтой с парусом, который из старого байкового одеяла пошил, и в половодье, когда Аленкину пойму заливало и она больше иного озера разбегалась, гоняли по ней пацаны под зеленым парусом, как настоящие пираты...

Васька, хоть и Кроликом его прозвали, вылитый поросенок был – лицо розовое, ресницы белые и нос пяточком. А Кроликом стал из-за папашки своего. Тот все мечтал разбогатеть побыстрому, завел как-то на усадьбе кроликов, мол, тут тебе и мясо, и шкурки на рынок. Но быстро к этому охладел, надоело – заботы много. Васька от него это дело принял. Его вообще зверушки и животные любили. Даже куры за ним чередой ходили. А петух, когда Васька совсем еще мал был, охранял его пуще собаки.

Васька даже крысу, здоровую и хвостатую, приручил. Она из рук его ела, за пазухой у него спала, а при опасности приучилась с пола ему в штанину шмыгать. Добро бы только к нему – к любому, кто в брюках. И многим это почему-то не нравилось, особенно учителям – Васька ведь крыску свою и в школу таскал, расстаться не мог.

Больше всех на него химичка Мария Петровна обижалась (она в брюках и кроссовках уроки проводила) и однажды, в истерике, чуть не прибила крыску веником. За что Кролик прозвал свою хвостатую подружку Машкой. А крыса-то тогда не виновата была нисколько. Она же не знала, когда выбралась из Васькиной сумки и шмыгнула в штанину учительницы,

что Мишка Куманьков уже ухитрился, будто уронив ручку на пол, привязать шнурок Марь-Петровниной кроссовки к ножке стола.

Когда Мария Петровна вскочила с диким визгом, упало все: она сама, ее стул, ее стол и все, что на нем было. Попадал от хохота и весь класс.

Ваську и Мишку исключили из школы на неделю, до педсовета. Они, конечно, ужасно переживали. Особенно Васька, который всю неделю без помех возился со своими кроликами.

Они тоже Ваську любили. Он им всем имена дал, так они откликались. Бывало, навалит им Васька в загончик капустных листьев – сидят себе, хрумкают. А как Васька какого по имени позовет – тот сразу столбиком станет, ушками стрижет, глазками блестит и тут же веселым скоком под Васькину ласковую руку.

Но недолго это счастье длилось. Когда сообразил папашка, что весь двор у него добычей полон, так прямо на глазах у Васьки всех кроликов забил и шкурки снял. Как Васька это пережил – никто не знает. Из дома ушел, в лесу обитал вместе с Мишкой Куманьковым.

Этот в своем роде личность. Лесовичок такой. В лесу – как дома, даже лучше. Всегда знает, где какую ягоду снять, под каким кустиком в ненастье укрыться. Пуще всякого индейца лес знал.

Соорудили они на дальнем приветливом островке уютный шалашик, ловили себе рыбку, собирали грибы, шишки лутили. А Колька Челюкан на своем бывшем пароходе подвозил им картошечки с салцем, всякий припас, в лесу необходимый.

В общем, жили друзья своей жизнью. Врагов наживали, а дружбы им своей хватало, особенно когда Галка Серегина к ним прибилась. И взяла на себя сугубо женские обязанности: одежку им небогатую починить, подкормить домашними запасами, а иной раз и вину на себя взять, чтобы ребятам меньше досталось...

Дверь в терраску распахнулась и ударилась в стену. Колька недовольно вскинул голову, отложил пинцет, которым протягивал на своей модели штаги от бушприта к фок-мачте.

– Колян! Сентя Воронка продал! – И Васька-Кролик опустил на порог, спрятал лицо в ладонях. Страшно, когда плачет взрослый человек. А еще страшнее, когда плачет мальчишка.

– Не ной! – Челюкан вскочил, опрокинув табурет. – Говори толком.

– Сентя покупателя на Воронка нашел. На колбасу его продал!

Сентя – это директор школы Арсентий Ильич. Ребята его не всегда любили.

Воронок – старый буланый коняга, который много лет безропотно отработал на дальней ферме, возил непроезжими для машин дорогами бидоны с молоком. А как состарился и в колхозе с кормами плохо стало, председатель отдал его в школу – на пенсию. Здесь Воронок полегче пришлось – пару раз в неделю бочку с водой доставить: своего колодца в школе не было. Да и пацанва школьная Воронка не обижала, ни один малец к нему без корочки хлеба или кусочка сахара не подойдет. Воронок на ласку по-своему отвечал – на каждой перемене степенно ходил по двору, катал на широкой спине всадников.

А особо выделял, конечно, Ваську Кролика. Еще издали увидит, ушами прядает, копытами, стоптанными, как опорки у Силантича, переступает в нетерпении. Иногда заржет – тоненько, радостно, нетерпеливо. А как подойдет Васька, Воронок ему все лицо мягкими губами потрогает, пофыркает в ухо, будто что-то шепчет секретное – для двоих, а потом грубо вздохнет, положит голову на плечо и замрет, счастливый.

Сентя поначалу тоже доволен конем был. Работящий, смирный, а главное, навоз от него очень полезный для огорода. Директор лично его тачками возил себе на усадьбу. Да перестарался – отчего-то огурцы странные у него пошли: один винтом загибался, другой крючком, третий вообще круглый. И все горькие, как редька. Соседка Поинка пояснила: перекормил их директор навозцем, слишком много внес.

Вот тут интерес к Воронку у Сенти пропал: выгоды никакой, одни заботы. Хотя заботы эти на себя ученики полностью взяли: и сено для коня на зиму готовили, и кормили-поили, и чистили. Воронка не узнать было: светился конь. А ну как на ногу кому наступит? Директор виноват.

Тут, кстати, и подвернулся этот Тулиген, казах залетный какой-то или киргиз, который в Дубровниках магазинчик держал и шашлычную. Соблазнился директор хорошей суммой. Да и как не соблазниться. Глазом не моргнешь, а уж осень на дворе, новый учебный год. А в школе двенадцать окон битых, крышу менять надо, столярку красить. А где деньги возьмешь? То-то! И продал директор Воронка на колбасу...

– Не ной, – опять оборвал Колька Кролика. – Откуда знаешь?

– Галка сказала, – всхлипнул Васька. – Подслушала, как Сентя с казахом по телефону договаривался.

Если Галка сказала, значит, так и есть – подслушивать она умела, чутким девчоночьим ухом улавливала тайное и болтливым язычком превращала в явное.

– Завтра с утра этот киргиз за Воронком придет.

Колька прикусил губу, позиркал глазами, нахмурил лоб – нашел решение.

– Пошли!

– Куда?

– К «тарзанке».

Кролик обиделся: такая беда настигла, а лучший друг вместо помощи развлекаться зовет. (Кто не знает, что такое «тарзанка», поясним – стоит на берегу реки дерево, к толстому суку привязана толстая веревка. Цепляешься за ее конец, разбегаешься и летишь над водой. В самый момент разжал руки – и с высоты в воду – бух! Весело!)

Но Кролику не весело. А Колька будто не видит. Командует:

– Держи! – и бросил уже во дворе, на ходу, Кролику мешок, снял с жердины косу. – Пошли!

Наконец дошло до Васьки, что неспроста все это, – видно, придумал Колька, как Воронка выручить. Схватил Кролик косу, побежал за другом узкой крутой тропкой к реке.

Забрались в лодку, отчалили. Колька на веслах, Васька на руле.

Тихо плещут весла, разбегаются от них рябь по чистой воде, журчит за кормой светлая струя. Известными протоками, где низко над водой склонились деревья, купают в ней листья, где порой темно, как в зеленом тоннеле, где взлетает неожиданно со скрипучим кряком вспугнутая утка, где плеснет мощным пятнистым туловом столетняя щука и блещут при ветерке солнечные пятна на темной воде – быстро добрались ребята до старой ветлы с «тарзанкой». Здесь по берегу как раз дорога в город бежит, по которой киргиз завтра Воронка погонит. На убой.

Причалили к берегу. Колька за косу взялся, Ваське велел траву за ним собирать и набивать ее плотно в мешок.

Накосил быстро, смотрел, как Васька охапки в мешок впихивает и ногами уминает.

– Плотней, Васек, плотней уминай. Чтоб потяжелее получилось.

Набили мешок втугую, еле вдвоем подняли, под ветлу отнесли.

Колька, как матрос по вантам, шибко наверх забрался, сбросил конец веревки вниз, а другой на соседнюю ветку перевязал, поближе к дороге. Скомандовал Кролику:

– Привязывай мешок!

Дождлся, когда Кролик обхватил горловину мешка петлей, стал изо всех сил веревку, через сук перекинув, подтягивать – мешок вверх пополз, остановился вровень с поднятой Кроликом рукой.

Колька прикинул – хватит. Закрепил веревку. Мешок, покачиваясь, висел над дорогой. Ну так примерно на высоте всадника. Позвал Ваську на дерево. Вдвоем они мешок совсем

подняли, на толстую ветку уложили. Теперь, если его толкнуть, полетит тяжелый мешок, как громадный маятник громадных часов, прямо поперек дороги. Может и в киргиза попасть. Или в казаха.

Васька расцвел, шлепнул Кольку в восторге по спине – едва с дерева не грохнулись.

– Это мы с Михой сделаем, а ты на Выселках сарай для Воронка приготовь, там его спрячем, – сказал Колька, спускаясь на землю и подбирая косу. – Не проспать бы.

– Не проспим, – заверил Кролик. – Наш Петруха ровно в пять кукаречит, как по часам.

Глава III

РАЗБОЙНОЕ НАПАДЕНИЕ

Утром, с первым светом, еще коров не выгоняли, вывел директор Воронка из конюшни, повел за собой на край села.

Конь послушно ступал за ним, мотая головой в густой гриве, оставлял на росной траве дымчатый след.

За околицей, в густых кустах, вложил Сентя влажный повод в жадную руку Тулигена.

Тот узкими блестящими глазами осмотрел коня, поцокал от удовольствия языком – будто не на колбасу его брал, а на скачки по цветущей степи.

Ловко вспрыгнул на спину Воронка, разобрал поводья, вложил в директорскую руку пачку денег: считай.

Пересчитал Сентя деньги, вздохнул, убрал в карман поглубже и хлопнул Воронка ладонью по крупу. Тот обернулся, вроде как с укором посмотрел, тоже вздохнул и, повинувшись всаднику, глухо зашлепал старыми копытами по мягкой дороге...

Едет Тулиген на лошади. Впереди дорога, слева лес густой – в нем уже птички утренние щебечут, справа, меж деревьев и кустов, река блестит.

Хорошо Тулигену, доволен. Песню сам сочиняет и сам поет.

Ай, какой мудрый батыр Тулиген!
Ай, какого толстого коня купил.
Сколько из него колбасы сделаю.
Сколько бастурмы приготовлю.
Придут к Тулигену черноглазые девушки.
Станут кушать, станут Тулигена хвалить.
Ай, какой Тулиген храбрый батыр!
Будем Тулигена любить.
Будем ему песни петь.
И пляски плясать.
Ай да Тулиген, мудрый батыр!

Поравнялся мудрый батыр с большой ветлой. Поет-заливается.

И краем глаза увидел вдруг, будто метнулось на него с дерева что-то большое.

А больше батыр ничего не увидел – ударило это большое его прямо в бок, сбросило ударом с коня. Рухнул батыр на землю, и темно ему стало...

Андрей в это утро в район собрался, вызывали его в отдел, на совещание участковых.

Выехал рано, чтобы к нужному часу поспеть. Проехал не спеша селом, выбрался за околицу. И тут, на лесной дороге, что к трассе вела, послышалось ему конское ржание. Короткое такое, будто вскрикнул конь, да чья-то ладонь ему морду зажала.

Не обратил внимания. Дальше поехал. Вдруг – навстречу ему прыгает по дороге человек, будто конь стреноженный, и руки перед собой держит.

«Что за чудо?» – удивился участковый.

Остановил мотоцикл, прошел вперед несколько шагов.

Батюшки! Да это Тулиген, городской шашлычник. Руки у него впереди по кистям связаны, ноги – по щиколоткам, глаза испуганные – щелочками. Скачет так усердно, что потом обливается.

– Ай, начальник! – заорал навстречу. – Такой беда! Такой большой беда на Тулиген упал! Злой шайтан напал с дерева. С коня батыра сбросил. Дикий зверь совсем.

– Что за зверь? – спросил участковый, срезая с киргиза веревки.

– Вот такой! – широко развел Тулиген затекшие руки. – А наверху у него хвост длинный. Совсем из дерева растет. С коня меня сбросил...

– И руки тебе связал?

Тулиген остолбенело замолк. Подумал. В затылке почесал.

– Садись. – Андрей отстегнул фартук в коляске. – По дороге разберемся, что за зверь такой... Совсем шайтан большой.

Чем ближе подъезжали к месту событий, тем глубже прятался отважный батыр под фартук коляски. У самой ветлы только курносый нос торчал да два напуганных глаза.

Андрей прошелся вокруг дерева, рассмотрел обрывок веревки на ветке, а на дороге следы конских копыт, уходящие в глубь леса, нашел в кустах ворох свежескошенной травы – и все ему стало ясно. Он вернулся к мотоциклу, поискал глазами исчезнувшего Тулигена, отдернул фартук:

– Сколько ты за коня заплатил?

– Совсем мало, начальник.

– Денег жалко?

– Как не жалко, ай? Три раза жалко.

– А мальчишек? Жалко? – И Андрей рассказал киргизу всю историю про Воронка.

– Ай, ай! – Тулиген прижал ладони к щекам, стал раскачиваться, причитая. – Совсем плохо получается.

Да, совсем плохо получается. Пацаны совершили преступление, тяжкое притом. Понять их можно по-человечески, даже похвалить бы стоило. Но вот поймет ли их суд?

Честно говоря, Андрей растерялся. По долгу службы он обязан задержать ребят, сообщить о нападении в райотдел милиции. Расследование.

Суд. Из колонии ребята выйдут либо сломленными на всю жизнь, либо настоящими бандитами. Что же делать? Как поступить?

Выход подсказал Тулиген:

– Я придумал, начальник. Давай никому не скажем. И всем хорошо будет.

– А деньги?

– Пусть у меня денег не будет, – философски рассудил батыр. – Это лучше совсем, чем у мальчишек свободы.

Андрей молча пожал ему руку.

– А ты меня за это в город отвезешь, – расплылся Тулиген в улыбке, глазки-щелочки совсем исчезли. – Якши будет?

Совсем якши, подумал Андрей и завел мотоцикл.

Тулиген нахлобучил мотоциклетный шлем, покачал головой:

– А конь добрый был. – Вдохнул от сердца. – Много колбасы Тулиген из него сделал бы. Совсем много...

Вернувшись в село, Андрей сразу же заехал к Челюкану. И не ошибся. Друзья сидели на терраске, совещались так тайно, что на улице было слышно.

– Дураки вы! – зло кричала Серега. – Ратников вас посадит!

Серега – это Галка Серегина.

Андрей не стал подслушивать, толкнул дверь. Разговор сразу прекратился. Только раскрасневшаяся Галка сердито пыхтела, сдувая со лба прядь волос. А лицо у нее было такое: ну вот, что я говорила!

Андрей достал из планшетки обрезки веревок с узлами, присмотрелся к стене, выбрал похожие и повесил свои рядом, повернулся к пацанам.

– Это шкотовый узел, Коля? – спросил спокойно. – Правильно? А это шлюпочный, так? Челюкан машинально кивнул.

Андрей сел за стол, поставил на него локти, опустил подбородок в ладони.

– Что же вы натворили, ребята? – спросил не зло, не сердито – устало спросил. – Вы же преступление совершили.

– А чего он?.. – начал было Кролик, но пустил петуха, захлопал белыми ресницами и опустил голову. Себя считал самым виноватым.

– Это я все придумал, – буркнул Челюкан. – Схулиганил.

– Это не хулиганство, Николай, – пояснил участковый ровным голосом. – Это разбойное нападение. Совершенное группой лиц по предварительному сговору. С применением насилия. В целях завладения чужим имуществом. Наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет.

Повисло молчание.

– Андрей Сергеич! – громким воплем нарушила паузу Галка. – Никакой не разбой. Я случайно мешок столкнула. А ребят там вовсе не было!

– Серегина, выйди из класса, – очень похоже скопировал Мишка противного Сентю.

– Выйди, выйди, – согласился и Андрей.

– А я все равно подслушивать буду! – уперлась Галка, тряхнув кудрявой головой.

– Подслушивай. Но молча.

– Тогда я здесь помолчу. Можно?

– Где лошадь?

Помолчали. Потом Васька буркнул:

– На Выселках. Мы его в лодке перевезли.

Хорошо придумали, одобрил про себя Андрей. На Выселках когда-то была дальняя летняя ферма, где телят выращивали. Там еще кое-какие строения сохранились.

– А дальше что?

– Не отдадим мы его на колбасу, – мрачно отрезал Колька. – Это наш конь.

– Он почти двадцать лет в колхозе работал, – добавил Васька, хлопая влажными ресницами. – Вам, дядя Андрей, его не жалко?

– Жалко, – улыбнулся участковый.

Ну никак он не мог их наказывать. Ведь доброе дело пацаны сделали. Хотя и злым путем.

– Ладно, ребята. – Андрей встал, пошел к дверям. – С Тулигеном я уладил, он вас простил. А если кто дознается, что ваш конь на Выселках живет, Тулиген скажет, что Воронок от него по дороге сбежал.

Ребята так заулыбались – сначала неуверенно, а потом во всю ширь, – что у Ратникова от сердца отлегло.

– Но уговор: с этой минуты по селу на цыпочках ходить – это раз. Тулигену по его списку собрать в лесу и засушить нужные травы – это два. А три – вы уже догадались: к директору школы никаких репрессий не применять, – и участковый шагнул за порог.

– Честно, дядя Андрей!..

– Ни за что, дядя Андрей!.. – завопили радостно вслед.

«Так я вам и поверил», – усмехнулся про себя участковый.

И оказался прав.

На последнем перед каникулами уроке истории Арсентий Ильич подводил итоги второго полугодия. Класс вел себя странно: хихикали, перемигивались, шептались. Пришлось сделать замечание:

– Серегина!

– А? – вскочила Галка.

– Бэ! – подхватил кто-то. И так пошло дальше, по всему алфавиту. За исключением мягкого и твердого знаков.

Насилу успокоил директор класс, повел заключительное занятие, почему-то поерзав на стуле и поморщившись.

Но не успел он и слова сказать, поднял руку Куманьков:

– Арсентий Ильич, а мне Ираида Пална тройку за сочинение поставила. Говорит, неграмотно. Я написал: «У дороги росли две ивы: одна сосна, а другая береза». За это тройку, да?

Директор покраснел, еще сильнее заерзал на стуле. Но не от коварного вопроса, хотя сразу вспомнил, что эту фразу произнес сам, лично, на перемене. Что-то другое сильно его беспокоило. Даже привстал ненадолго. Даже стул ненароком осмотрел и ладонью по сиденью провел.

По классу загуляли сдерживаемые из последних сил смешки. Опять посыпались вредные вопросы.

Не отвечая на них, директор вдруг выскочил из класса, оттопыриваясь ниже пояса, победил в свой кабинет.

Тотчас весь класс бесшумно сорвался и выбежал на улицу. Все, кто поместился, взобрались на цоколь и прилипли к директорскому окну.

А картина там была загадочная: бедный Сентя, спустив брюки, яростно чесал себя двумя руками пониже спины...

– На три дня хватит, – удовлетворенно заметил Куманьков, спрыгивая с цоколя и уступая место очередному зрителю. – Пока портки не сменит...

Когда этот случай дошел до Андрея, он знал, с кого спросить, и в удобный момент поймал Куманькова за ухо:

– Твоя работа?

– Моя, – не стал отпираться Мишка. И пояснил честно: – Это трава такая, почесуха называется. У нее семена с маленькими крючочками – как в штаны или в рубаху попадет, так все глубже в кожу впивается. Я ее на стул подсыпал...

– Не стыдно?

– Нет, – смело посмотрел мститель прямо в глаза милиционеру. – Он плохо поступил...

Ну что тут возразишь?

Глава IV РАЗВЕДКА

Неприметный пыльный «жигуленок» свернул с шоссе под указатель «Музей-усадьба «Шувалово», проехал длинной аллеей, мощенной стершимся булыжником, на котором играли солнечные зайчики, пробившиеся сквозь обильную листву старых громадных лип. Остановился у здания музея – бывшей загородной графской усадьбы.

Здесь все дышало ароматом старины: пузатые колонны на фасаде дома, узкие высокие окна, литые фонари в ряд, широкое ажурное крыльцо с полукруглым подъездом и пандусом для неповоротливых карет.

Из машины вышел мужчина в хорошем костюме и с тростью в руке, бросил вокруг быстрый незаметный взгляд и поднялся по широким, выбитым временем ступеням. Потянув на себя массивную, с бронзовым кольцом вместо ручки дверь, он еще раз неприметно оглянулся, вошел внутрь и поднялся по лестнице, огражденной, как стражами, мраморными статуями, в кабинет директора музея.

На пороге он чуть склонил голову и представился:

– Петр Великий.

Директор музея – худенький старичок с узкой бородкой – вздрогнул и поднял голову от большой растрепанной книги.

– Не пугайтесь, – улыбнулся незнакомец, – я не сумасшедший. Вот мои документы.

– Действительно, – подивился такому совпадению директор. – Великий. Да еще и Петр Алексеевич. – Привстал, протянул над столом узенькую ладошку, назвался: – Староверцев. Слушаю вас.

Петр Великий сел на стул, поставил между колен трость, осмотрелся:

– Я, видите ли, сотрудничаю в одном столичном музее. Возглавляю отдел... – Приблизился к директору и продолжил вполголоса: – Возглавляю отдел в некотором роде закрытый. Занимающийся старинными кладами.

– Это и привело вас в наши края? – живо поинтересовался Староверцев.

– Именно. Хочу предварительно на месте проверить некоторые данные.

– Интересно – какие же?

– Да вот, к примеру. – Таинственный пришелец достал из кармана записную книжку в кожаном переплете. – К примеру: недалеко от города, в бывшей усадьбе графа Клейнмихеля, рядом с садовой беседкой лежит огромный камень, на котором выбиты некие знаки и письма. В летописи говорится, что под «камнем сим упокоен злой тать Воронец в золотой оружейной справе, в головах же разбойника котел медный всклень полон камнями да монетой да два бочонка вина». – Мужчина улыбнулся: – Вино, полагаю, уже скисло, а вот монеты с камнями заждались своего часа... Или вот еще, тоже неподалеку: башня в селе Кривое на берегу Стремилковки. В башне провал над тайным ходом, а ведет тот ход под курган, где зарыты сокровища князей Заостровских: древнее оружие, древние рукописи, личная печать моего тезки Петра Первого... – Великий перевернул еще страничку. – А вот храм Спаса на Плесне, это уж совсем у вас под боком, в Синеречье... Так, – прочитал про себя. – Здесь тоже какой-то тайный ход...

– Минутку, – остановил его Староверцев и крикнул в приоткрытую в соседнюю комнату дверь: – Олечка, найди, пожалуйста, розовую папку «Синереченская церковь»!

– Сейчас, Афанасий Иванович, – отозвался женский голос.

– Что-то я про это читал. – Староверцев нахмурил лоб, припоминая. – Про клад-то ничего не слышал, а предание о тайном подземном ходе мне попадалось.

– Вот, Афанасий Иванович, – в кабинет вошла девушка и положила на стол толстую папку, – нашла.

Староверцев стал торопливо перебирать подшитые бумаги. Их много было: и пожелтевшие от времени, и новые, совсем неизмятые.

– Ага! Нашел! – Он вынул из зажимов ксерокопию листа из старинной летописи. – Слушайте, Петр Алексеевич. «И бысть тогда сеча быстра и кровава. И падали вои русичи яко рожь под серпом. А кои успеваха бежать меча и копья ордынска спасались во храме Божиим. И вошед в храм тамо исчезахо. Понеже бысть в стене оного тайна дыра. И открываха ея и оттоле тишина велика и хлад земной и ступени во чрево земное. И престаше татарове воевати да почали искать пропавшего люда. Тако не найде...»

Великий напряженно вслушивался в древние слова, едва сдерживаясь, чтобы не вырвать листок из рук Староверцева.

– А точнее там ничего не сказано? Где эта «тайна дыра», в какой стене? Каким волшебным словом открывается?

– Нет, к сожалению, – вздохнул директор и вложил листок в папку. – Это единственное упоминание о подземном ходе. Да вы поезжайте туда, стариков, мальчишек спрашивайте...

– А это что такое? – Великий вытянул из папки несколько машинописных страничек, скрепленных скобочкой.

– Ну, это вам не интересно. Не ваш, так сказать, профиль. Это опись церковного имущества. Церковь-то в Синеречье богатейшая. Там собрались за века и сохранились уникальнейшие предметы культа и старины.

– Можно взглянуть? – попросил Великий, а сам уже бегал внимательным взглядом по страницам, фиксируя в памяти описания сокровищ. Нехотя вернул листы директору, вздохнул: – Да, это мне ни к чему. А вот подземный ход я найду, вместе с кладом, – шутливо пообещал тезка царя. – И вам малую толику золотую для музея выделю.

– Ох, кстати было бы, – поддержал шутку Староверцев. – Мы бы тогда здание отремонтировали, потолки вон второй год текут. А средств нет. За осмотр мы денег не берем – музей народным считается, – Афанасий Иванович, подровняв бумаги в папке, закрыл ее, завязал тесемки, вздохнул. – Да народ-то сейчас по музеям не ходит, о прошлом не думает. Его больше будущее, завтрашний день тревожит.

Что там народ тревожит – Великого не интересовало.

– Ну, что ж. – Он поднялся, протянул через стол руку. – Спасибо за информацию. На обратном пути заеду – кладом поделюсь.

– Не откажемся, – улыбнулся Староверцев. – Всего доброго.

Он проводил Великого взглядом, потрогал папку, задумался. Что-то беспокойное шевельнулось в душе. Какая-то неясная тревога вспыхнула. Почему? Не потому ли, что запало в память, как дрогнули пальцы Великого, когда он взял реестр с описанием церковного имущества.

Афанасий Иванович перевел взгляд с розовой папки на черный телефон, потербил бородку, пожал плечами и звонить не стал...

А Великий тем временем сидел в машине и что-то старательно записывал в свою красивую книжку. Останавливал быстрый бег авторучки по листам, хмурил лоб, вспоминая, и снова быстро писал что-то очень для себя важное.

Затем он убрал книжку в карман, завел двигатель и пробормотал:

– Старик прав – пацанов надо пощупать...

С утра нехотя, будто кто его силой заставил, побрызгал дождик – освежил запыленную травку, чуть сполоснул листву на деревьях, смочил слегка крыши – и спрятался.

Скользкой, петлявшей по горюшке тропкой участковый поднимался к церкви.

Церковь в Синеречье была очень красивая. Стояла она, как и положено, на горюшке, в кольце речной излучины, отовсюду видная, радовала глаз и душу свежим золотом сквозных крестов, легкостью затейливой, в два цвета, кладки – белым и ярко-красным, чуть ли не алым, кирпичом. Издалека, как смотришь на село, то будто плывет над ним, сверкая, белое облако, окрашенное солнечными лучами, и сбегаются поглядеть на это чудо маленькие домишки, толпятся под ним, с наивным восхищением задирая неказистые крыши.

Но кроме красы неописуемой была замечательна церковь своею древней тайной. До сего времени нет-нет да и вспомнится седая легенда о том, что из церкви ведет за реку подземный ход, которым скрывались в дремучие леса наши предки при набегах жестоких татар. Спроси любого деда: мол, когда мальцом был, искал подземелье? Покрутит старик седой головой, взъерошит седую бороду и признается: было такое, одна даже на ночь в церкви прятался, весь подвал излазил – ан не нашел...

Да и участковый Ратников помнит со своего детства, как пытался с друзьями проникнуть в закрытый ржавой решеткой склеп, откуда, старики говорили, можно в подземелье пробраться. Как за тем же лазили в разрушенную заречную часовню. И как однажды, после весеннего разлива, отошла ненадолго речка от своего русла в сторону Степанова лужка, и в речном песке обнажилась сводчатая кладка из почерневшего узенького кирпича. Потом река вернулась в свое ложе и снова запрятала-затянула свою тайну на своем дне мелким желтым песком.

Да вот и недавно, года два назад, случилось в селе загадочное происшествие, опять напомнило былую тайну. На крайней усадьбе, старика Мокея, вдруг за одну ночь исчез, как его и не было, старый пруд. Еще с вечера, на зорьке, сидели в ивняках пацаны с удочками, а утром... Утром один ивняк и остался, а вместо пруда – илистая чаша с воронкой посередине, да бьются в иле золотые караси. Не успел народ сбежаться, а уж и той воронки нет, сравнялось дно расползшимся илом, затянувшим дыру, а к осени оно и вовсе травами заросло. Такие вот дела. Загадочные...

Настоятель храма, отец Леонид, тоже Андрею как-то признался, что спускался в холодные церковные подвалы, обошел вдоль и поперек все лабиринты, даже нашел в одном месте пробитый мечом ли, саблей ли съеденный, ржавчиной боевой шлем, но тайного входа в подземелье так и не сыскал...

– А чего ты там забыл, батюшка поп? – спросил его тогда Андрей.

– Прискорбное событие позвало. Еще до вашей службы, Андрей Сергеич, заперся в храме окаянный пьяница и выкуп потребовал в виде ящика с водкой. А спустя малое время таинственно исчез, следов за собой не оставив.

– Подумаешь, событие – пьяница исчез.

– Не в том прискорбие. А в том, что в один час исчезла вместе с ним дорогая реликвия – наперстный крест золотой с камнями. Со времен татарского лихолетья в храме благоговейно сохраняемая. Надеялся сыскать. Не сподобил Господь...

Отец Леонид был молод, носил красивую бородку и волнистые кудри до плеч. Ровный характером, всегда с приветливой улыбкой и добрым словом, бывал, однако, крут. Застав как-то Мишку Куманькова (это еще прошлым летом случилось), когда тот царапал на церковной ограде гадкое слово, отец Леонид сломил хлыст орешника, перекинул Мишку через колено и на глазах его дружков провел справедливую экзекуцию.

Мишка сдурю батяньке своему нажаловался, но тот ему со своей стороны нещадно добавил.

Тут уж мушкетеры ошетинились, злую шкуру задумали. Сперли с фермы здоровенный брикет кормовых дрожжей да и плюхнули его в сортир служителя культа. Дело было в самую жару и, кто понимает, привело к натуральной экологической катастрофе. Чтобы ликвидиро-

вать ее последствия, пришлось вызывать пожарную команду. Пожарные посмеялись, постояли с наветренной стороны, брезгливо поморщились и уехали.

Отец Леонид тоже посмеялся. Потому что Куманьковы были по селу его «нижними» соседями, и все забродившее содержимое выгребной ямы неудержимым зловонным половодьем затопило их усадьбу. Просчитались мстители. И пришлось Мишке снова скрываться в лесах. И батенька его, опять намотав ремень на руку, безуспешно рысил по окрестностям в поисках сына.

Вот с той поры вспыхнула и по сей день не гаснет вражда между православной церковью и Мишкой Куманьковым, который отца Леонида иначе как мракобесом не называет. В последнее время вражда притихла, в подполье ушла, но не растворилась в деревенских буднях. Ждала своего часа...

Проходя вдоль церковной ограды, Андрей помахал отцу Леониду. Священник, высоко задрав подол рясы, складывал в карман звенящую связку ключей и сделал участковому знак: подожди, мол, разговор есть. Подошел, улыбаясь, охотно показывая ровные чистые зубы. Они с Андреем были одного возраста, относились друг к другу с симпатией.

– Я в недоумении, Андрей Сергеевич, – сердито, сбросив улыбку, начал батюшка.

– Я тоже, – искренне удивился в ответ Андрей.

– Вы прискорбно невнимательны к церкви!

– Как это? – опешил участковый. – Посты, что ли, не соблюдаю?

– Я имею в виду ваше профессиональное внимание, – не принял шутки отец Леонид. – Да, да. Вы обязаны добиться организации у церкви постоянного милицейского поста. Или какого-то другого вида охраны. Для верующих это храм, а для всех остальных – музей. Музей с бесценными, невозполнимыми при утрате произведениями искусства. Ведь у нас почти все иконы старинного письма, есть Дионисий, есть школы Феофана Грека. А книги? Евангелие в чеканном по меди футляре – ему поистине нет цены, нет равного. Впрочем, в Дубровническом музее имеется подробная опись – вы бы ознакомились с ней при случае, если моя тревога вас не убеждает...

– А что такое? – обеспокоенно перебил Андрей. – Есть какие-то сигналы?

– Да нет, сигналов пока нет. Есть просто вполне естественное беспокойство о судьбе бесценных сокровищ.

Вообще-то, подумал Андрей, он прав. Конечно, дверь запирается надежными запорами, решетки на окнах – трактором не сорвешь, есть звонковая сигнализация. Сторож Силантич в церкви ночует. Все так. Но для умелых воров это не преграда. Сторож всю ночь мышей храпом пугает, запоры для опытной руки – одна забава, а звонки сигнальные – вообще для пьяных дураков.

– Я понимаю, – согласился Андрей. – Ну, может быть, самое ценное домой заберешь? Книги там, подсвечники, Евангелие... в этом, в футляре...

– Что вы, Андрей Сергеевич! Дом у меня деревянный, на окнах даже ставен нет – это риск еще больший. Да и не положено нам.

Милиционер сдвинул фуражку на лоб, поскреб пальцем затылок:

– Да, батюшка поп, задачка есть. Надо решать.

– Вы, батюшка участковый, – назидательно передразнил отец Леонид, – решайте, пожалуйста, побыстрее. На днях мне предстоит быть в отъезде. Хотелось бы иметь спокойное сердце.

– Ладно, Леня, буду думать...

Тревога священника затронула участкового. Но что предпринять в этом деле, он пока не знал. Действительно, налетят какие-нибудь бандюки залетные, ограбят церковь и в лесах скроются – ищи их там. Засела, словом, опаска в сердце. Как заноза.

Андрей обогнул церковь, поглядывая на ее окна – беззащитные, теперь казалось, – направился к школе.

Директор Арсентий Ильич сидел на подоконнике своего кабинета и по утренней поре пил чай на свежем воздухе. Завидев Ратникова, скрылся в глубине комнаты и появился со стаканом чая в красивом подстаканнике, протянул Андрею в окошко. Глаза у директора были хитрые и настороженные. Как у школяра, подложившего учителю кнопку на стул.

– Как дела, Арсентий Ильич? – поздоровался Андрей, принимая стакан с чаем. – Все ли в порядке?

– Да вот, – забегал Сентя глазами по сторонам, – вот коняка наш со двора ушел. Не иначе в лесу заблудился. Да и сам я приболел чуток... Неможется что-то... – и директор незаметно почесался.

Андрей потренькал ложечкой в стакане, отпил глоток, скрывая улыбку, – он давно приметил, что на школьном турнике висят директорские штаны, а рядом прислонена выбивалка для ковров.

– Хороший у тебя чай, Арсентий Ильич. – Директор улыбнулся в ответ. – А ребят ты зря обижаешь. – Тут Сентя нахмурился.

– Ребят... Бандиты они малолетние. Хулиганы.

– Твоя вина. Ты воспитатель.

– А ты знаешь, что они мне выпускное сочинение сорвали? Сами с урока ушли, а за ними чуть весь класс не разбежался.

– А какая тема была? – невинно поинтересовался участковый.

– Хорошая! «За что я уважаю своего отца?» Понял?

– Понял, – вздохнул Андрей. – Потому и сорвались пацаны. Что они могли про своих отцов написать? У одного его нет и не было, у другого – в тюрьме, у третьего – пьяница.

– Мне что, из-за них школьную программу менять?

– Программу не надо. Отношение к ним надо менять. Нельзя, чтобы у пацанов взрослые врагами были.

– Сергеич, – взмолился директор, – у меня о другом голова болит: где денег на школу брать? В классах ни одного целого стола нет! Крыша течет! За свет три месяца не плачено!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.